

Pracę charakteryzuje przystępny język, spójny i klarowny tok wyводу, a także sposób prezentacji materiału (tj. konsekwentne zagłębianie się w kwestie coraz bardziej szczegółowe i częste ilustrowanie ich przykładami), które stanowią o wysokiej wartości dydaktycznej niniejszej pracy. Wartość tę podwyższają również liczne nawiązania wewnątrztekstowe, wskazujące czytelnikowi miejsca, gdzie dane kwestie zyskają (bądź zyskały w poprzednich rozdziałach książki) swoje szersze omówienie oraz czytelne zestawienia tabelaryczne. Dodatkową zaletą monografii jest zamieszczony na końcu słowniczek terminologiczny, umożliwiający sprawną identyfikację zastosowanych i opracowanych w tekście terminów. Recenzowana publikacja może więc stać się interesującą lekturą dla odbiorcy nie-specjalisty, zwyczajnie pragnącego zapoznać się ze specyfiką i osiągnięciami przekładoznawstwa. Z kolei bardziej wymagający czytelnik, dążący do poszerzenia swej wiedzy na podstawie również innych (głównie obcojęzycznych) prac przekładoznawczych, z pewnością odniesie wiele korzyści także dzięki zamieszczonej bogatej literaturze przedmiotu.

Marzena Kozyra
doktorantka Katedry Translatoryki i Języków Słowiańskich
Instytutu Filologii Słowiańskiej KUL
e-mail: marzenakozyra657@wp.pl

ДУХОВНАЯ АТЛАНТИДА РЕНЭ ГЕРРА
(РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ ЛОЛЫ ЗВОНАРЕВОЙ
«СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК РЕНЭ ГЕРРА»)

ЗВОНАРЕВА ЛОЛА, *Серебряный век Ренэ Герра*, Санкт-Петербург: ООО «Издательство «Росток» 2012, 672 с.

DOI: <http://dx.doi.org/10.18290/rh2018.66.7-18>

С Лолой Звонаревой (доктор исторических наук, известный литературовед, историк культуры, секретарь Союза писателей Москвы, ведущий научный сотрудник Института семьи и воспитания Российской академии образования – все титулы невозможно перечислить) мы познакомились на юбилейном II Всероссийском фестивале поэзии Константина Бальмонта в Шуге, где я в пылу полемики аргументировала мысль об украинских корнях русского поэта-символиста, акцентировала на его связи с Украиной. Потом было общее участие в XV Международных литературно-образовательных чтениях *Постсоветское литературное* „Roczniki Humanistyczne” 66(2018) z. 7

пространство: между реализмом и символизмом в Гданьске-Сопоте (Польша) и международной конференции, посвященной *Слову о полку Игореве* и его эпохе, происходившей в Галиче.

Когда же Лола Уткировна презентовала мне свою только что изданную книгу, не думала, что возьмусь за перо. И не потому, что поражал ее формат (почти семь сотен страниц текста), а скорее потому, что не считаю себя специалистом по истории литературы Русского Зарубежья, хотя с некоторых пор в круг моих научных интересов вошло творчество К. Бальмонта, И. Шмелева. Но, ознакомившись уже с первыми страницами книги, твердо решила: буду писать, потому что нашла здесь немало интересного для себя – соприкасающегося с историей украинской культуры.

Книга Л. Звонаревой отражает существенные тенденции развития гуманитарной науки последних десятилетий, когда на родину возвращаются имена многих подзабытых русских писателей, художников, актеров (так же и в Украине привычным стало слово „диаспора”), без культурного наследия которых панорама художественного процесса была бы неполной.

Рецензированная книга посвящена наибольшему в мире собранию рукописей, писем, книг и картин писателей и художников Русского Зарубежья, принадлежащему французскому слависту Ренэ Герра, титулованному самыми почетными определениями: „французский хранитель русского „серебра”, „открыватель затерянного мира”, „неистовый русский француз”, „француз, заболевший Россией” и так далее. И хотя эта личность достаточно неоднозначна, за что его хвалили и хаяли, собрана им коллекция – это действительно *Атлантида Русского Зарубежья*. Это „замечательный памятник европейской культуры – образец ее целостности и универсальности, знак высочайшего уровня исторического самосознания, результат многовековой традиции интеллектуального созидания, пример обдуманного и целенаправленного творчества” (с. 9), как утверждает автор предисловия П. Фокин. Поэтому можно лишь сожалеть, что наследство украинских художников диаспоры не нашло себе такого покровителя (правда, отдельные попытки были – Г. Костюк помог сохранить архив В. Винниченко, который, как и большинство русских писателей-эмигрантов, жил во Франции – сначала в Париже, а потом в местечке Мужен, неподалеку от Канн, где и умер).

И эту духовную русскую Атлантиду пытается открыть для читателя Л. Звонарева. Она исследует, как формировалась уникальная коллекция французского слависта (40 тысяч томов, треть из которых имеет инскрипты – надписи и посвящения авторов!), в которой – художественные и малярные произведения, эпистолярный, дневники художников-изгнанников, принадлежащих к Серебряному веку русской культуры (Е. Таубер, З. Гиппиус, Б. Зайцев, Г. Адамович, А. Ремизов, Г. Газданов, И. Одоевцева, З. Шаховская, Ю. Анненков и др.). Этим личностям посвящены литературно-критические очерки или портреты (определение жанра трудно поддается дефиниции) в книге Л. Звонаревой, с расска-

зами о том, как Р. Герра знакомился с тем или другим художником, какие экспонаты и каким образом пополняли собрание слависта.

Например, в коллекционных фондах – редкие фотографии (подавляющее большинство фотографий, представленных в книге, печатаются впервые), письма и сто книг И. Шмелева с автографами.

Как известно, Украина вошла в жизнь Ивана Сергеевича вместе с Крымом (он проживал в собственном домике на березе Черного моря в Алуште), его богатой экзотической природой, населением, очень пестрым по национально-этническому составу, и соответственно таким же языком. Например, в эпосе *Солнце мёртвых* (жанровое определение „эпопея” условное, как и подзаголовок „поэма” в *Мёртвых душах* Н.Гоголя) Кулеш (фамилия явно украинская) и дядя Андрей говорят и по-русски, и по-украински. Тема голода, главная в романе Шмелева, стала одной из важнейших тем (особенно в последнее время) и для писателей материковой Украины и украинского зарубежья (пьеса 97 Н. Кулиша, повесть *Мария* У. Самчука, роман *Желтый князь* В. Барки).

Судьба Шмелева связана с именами известного семейства Алчевских, сыгравшего важную роль в развитии украинской культуры. В нем – знаменитые писатели, педагоги, ученые, художники, певцы; в честь главы семейства – известного украинского промышленника, предпринимателя, банкира и мецената Алексея Кирилловича – назван город Алчевск, им основанный, в котором он построил первый в Украине металлургический комбинат на отечественные капиталы.

В коллекции Ренэ – десятки книг И. Бунина с его инскриптами (Ремизову, Зайцеву, Ходасевичу) и также много писем. Немало книг из библиотеки нобелевского лауреата Герра купил в Париже в известного торговца антиквариатом О. Струве.

Как известно, И. Бунин преклонялся перед величием Тараса Шевченко, считая его „гениальным поэтом”, специально изучал украинский язык, чтобы переводить его произведения, путешествовал по Днепру, чтобы посетить место вечного пристанища Кобзаря на Чернечей горе в Каневе...

Среди экспонатов – много книг, тысячи писем К. Бальмонта, Д. Мережковского. Сентенции Л. Звонаревой по поводу творчества последнего нам особенно интересны.

Ведь прадед Мережковского – Федор Мережко – был военным старшиной в украинском городе Глухове. Дед – Иван Федорович – в последние годы XVIII ст., во время царствования Павла I, приехал в Петербург и, как шляхтич, поступил в Измайловский полк. Тогда, вероятно, по предположению самого Дмитрия Сергеевича, изменил свою украинскую фамилию Мережко на русскую – Мережковский (живучий комплекс Мартына Борули и Мины Мазайло).

Если в поэзии Мережковский остался на среднем профессиональном уровне, то на ниве исторической романистики, философии и культурно-религиозной

публицистики перелома веков он был одним из признанных писателей. Именно на этих аспектах его деятельности сделан акцент в книге.

Д. Мережковский – основоположник жанра историко-философского романа в русской литературе, автор фундаментальной трилогии *Христос и Антихрист*. В ее заключительной части писатель, которого интересуют универсальные, космические оппозиции (Христос – Антихрист, добро – зло, дух – плоть, гармония – хаос и др.), наделяет чертами апокалиптического Антихриста царя Петра I – носителя антинациональных государственных устремлений, направляющих Россию по внутренне чуждому ей пути. Созданное им варварскими методами бюрократическое государство, с его „противоестественной” столицей, строится на костях людей.

Петр не только распутник, пьяница и сквернослов, но и гонитель русской церкви, убийца стрельцов, мучитель собственного сына. Негативизм в изображении русского самодержца преобладает и в произведениях украинских писателей, пишущих о Петровской эпохе (*Павел Полуботок* К. Буревия, *Гетманское сокровище* Ю. Мушкетика, *Орда* Р. Иванычука, *Нас рассудит Бог* С. Фостуна).

В более поздней публицистике Мережковский по-другому оценивал значение петровских реформ. В статье *Теперь или никогда* (1905) он называл „религиозным подвигом” царя то, что он согласился принять на себя страшную тень Зверя, тень Антихриста.

Именно публицистике Мережковского Л. Звонарева уделяет больше всего внимания, в первую очередь оценкам писателя революционных событий, большевизма, его вождей и сторонников (например, Горького). Конечно, эти „убийственные” (Л. Звонарева) характеристики, сделанные Мережковским, воспринимаются полемично, хотя полностью естественные для него как представителя высшего сословия, дворянина.

И понять (не принять) общественно-политические взгляды Мережковского (в сопоставлении), думаю, поможет признание украинского писателя-эмигранта В. Винниченко. Причину негативного отношения к нему украинской эмиграции (и членов Центральной Рады) Владимир Кириллович усматривал в расхождении взглядов на вопрос освобождения Украины, predetermined социальным статусом оппонентов.

„Массы не пошли за Центральной Радой. Большевистские лозунги „Земля крестьянам, фабрики рабочим” перевесили лозунг «Пусть живет Украина!». В руководящих органах Центральной Рады большинство принадлежало представителям таких социальных групп, которые на самих себе непосредственно не чувствовали остроты социально-экономических моментов: учителя, адвокаты, правительственные чиновники, сыны помещиков, фабрикантов, священников... Я – сын рабоче-крестьянской семьи. Я пришел в Центральную Раду от плугов, топоров, от крестьянских тайных сходок, от рабочих организаций, от тюрем, подполья, от бедности, притеснения, порабощения... И потому я кровно чувствовал вес не

только национального, но и социально-экономического освобождения рабочих масс украинского народа” (из письма 1928 года к Д. Нитченко – редактору эмиграционного издания „Українські вісті” (Березіль 1993, №7-8, с. 55).

Острые антибольшевистские оценки Мережковским (их разделяет и Р. Герра) большевизма обусловлены также исповедуемым большевиками атеизмом (а всякую власть Мережковский оценивал через ее отношение к религии). Убежденный проповедник неохристианства, писатель создал религиозно-философскую концепцию, согласно которой совершенствование человеческой природы возможно через сотворчество человечества и Бога, усматривал „тупиковость атеизма” (Л. Звонарева).

Полемичность такого утверждения нам кажется очевидной. Разве чехи, где более 90% современного коренного населения считает себя атеистами, а посещение костела 2 раза на год – лишь традиционный ритуал по случаю праздников (Пасхи и Рождества) в условиях государственного атеизма (см. И. КАЛИТА, *Идеи Я. Мукаржовского в контексте начал (структурализма и двух веков)*, „Müqayisəli ədəbiyyat: Ədəbiyyatlarda və mədəniyyətə stereotiplər” (Baku) 2008, с. 58), ущербнее в культурно-духовном или социально-экономическом плане, чем поляки, где католицизм является государственной религией? И такими ль уже бездуховными были атеистические времена, в сравнении с нынешними, когда церковью построено столько, что священникам не хватает приходов, за которые продолжается настоящая борьба, а между тем процветает преступность, аморальность, пьянство, разврат и другие смертные грехи. Да и сами священники часто становятся воплощением всех человеческих пороков. Немало примеров может продемонстрировать классическая литература и реалии нашего смутного времени (курьезный, трагикомический случай произошел в этом году с одним из участников Международной конференции „Одесса-Батуми. Два города в судьбе К. Г. Паустовского”: он захотел помолиться в мечети, а когда после молитвы решил обуться (мусульмане молятся босые), оказалось, что его обувь увели...).

Однако некоторые предостережения Д. Мережковского (хотя касаются они несколько других событий и ситуаций), мечтавшего о духовном спасении человечества, как справедливо замечает Л. Звонарева, звучат в настоящее время достаточно пророчески, например тревожное предупреждение о приходе воинственного триликого Хама (статья *Грядущий Хам*). Вспомним горькие размышления поэтессы Л. Костенко по поводу настоящего и будущего украинского государства в романе *Записки украинского самашедшего*, получившем широкий общественный резонанс: „Украины может уже и не быть. Вся растворится в хамстве”.

Настоящим открытием для меня лично стал очерк об украинском художнике и писателе с такой красноречивой фамилией – Михаил Андреенко-Нечитайло (1894-1982). Вспомнилось: у нас на филологическом факультете училась студентка с фамилией Нечитайло, и я шутила, почему же она избрала специальность, где

все же надо много читать. Жалко, что теперь нельзя узнать, не родственница ли случайно...

В Украине об этой личности известно не так уж и много, даже спорный вопрос о месте рождения: по одним источникам, родился в Херсоне, по другим – в Одессе, в Херсон переехал позже; отчество – Федорович, по другим данным – Теодорович. Учился в Петербурге в школе Императорского общества поощрения художников, директором которой был Н. Рерих. В 1918 году вернулся в Украину, но уже через 2 года выехал из нее навсегда. Более 50 лет прожил в Париже, где выставлял свои полотна, а также печатал произведения в газете „Возрождение” и „Новом журнале”. Художник пытался в своих картинах сохранить старый Париж, стремительно исчезающий под натиском современных энергичных нуворишей (как современный Киев, Москва или Вильнюс).

Художник испытал себя в разных техниках и стилях: кубизм, конструктивизм, сюрреализм, неореализм, абстракционизм. В коллекции Герра находится около ста полотен мастера, с которым он был лично знаком. В 1979 году Рене выдал сборник рассказов художника *Перекресток* и написал к нему предисловие *Тайны Михаила Андреенко*. С 1964 года Андреенко, который говорил и писал только по-русски, начал писать на украинском и печатать свои рассказы в журнале „Сучасність” (например, рассказ „Нез’ясована справа” с достаточно интересным детективным сюжетом, где на стиливую манеру автора заметно повлиял его талант художника).

Описывая автопортрет М. Андреенко-Нечитайло в коллекции Герра, Л. Звонарева замечает: „Несмотря на официальную форму одежды – костюм, галстук, главное, что бросается в глаза, на этом автопортрете – это печальные глаза и скорбный рисунок губ” (с. 270). Как знать, может, это вечная грусть по утерянной родине...

Судьба собранных французским славистом фондов уже выходит за пределы частных интересов и требует целенаправленной, систематической работы команды профессионалов (филологов, текстологов, библиографов, искусствоведов и тому подобное), способных комплексно прорабатывать и исследовать многогранное культурное наследие Русского Зарубежья. И, возможно, не только русского, потому что закономерно возникает вопрос, по крайней мере у меня лично, были ли связи между русскими писателями-эмигрантами и представителями украинской диаспоры. Ведь, к примеру, с Парижем связана судьба львовского поэта и художника С. Гординского, который посещал спектакли в парижском театре, оформленные М. Андреенко (труды последнего в сфере театральной декорации, по свидетельству В. Сичинского, „занимают одно из первых мест в современном европейском искусстве”, а в его творчестве „можем найти отдельные явления, идеи, проблемы, которые ставили перед собой разные художественные направления последних десятилетий”). В мюнхенской „Сучас-

ности”, где презентовал свои произведения Нечитайло, печаталось немало и украинских писателей.

Поэтому книга Л. Звонаревой, насыщенная фактами, свидетельствами, содержательными дополнениями и эксклюзивными иллюстрациями, помогает осознать всю масштабность и значимость собранного Р. Герра – „открывателем затерянного мира” культуры. Тем более что исследовательница сама побывала в Париже, в русском Некрополе (кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, ставшее последним прибежищем художников-изгнанников), собственноручно прикоснулась к этому миру.

*Людмила Ромащенко [Ljudmyla Romashchenko]
Katedra Literatury Ukraińskiej i Komparatystyki
Czerkaskiego Uniwersytetu Narodowego im. Bohdana Chmielnickiego
e-mail: lirom5@ukr.net*